

В.А. Исупов*

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
НОВЫЕ ЗАДАЧИ – НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-1
УДК 94(57)“1941/45”*Выходные данные для цитирования:**Исупов В.А. Демографическая история России в период Великой Отечественной войны: новые задачи – новые источники // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 11–28. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-01.pdf>*

V.A. Isupov*

**DEMOGRAPHIC HISTORY OF RUSSIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
NEW TASKS – NEW SOURCES**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-1

*How to cite:**Isupov V.A. Demographic History of Russia during the Great Patriotic War: New Tasks – New Sources // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 11–28. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-01.pdf>]*

Abstract. The current stage of development of historical demography in Russia is characterized by significant achievements in the study of population dynamics during the Great Patriotic War. At present, historical demography is one of the rapidly developing sections of the humanities. Positive shifts in the study of just recently little known trends in demographic dynamics during the war are very significant. To date, significant steps have been made to eliminate numerous “blank spots” and much of what was previously hidden has become known. Thus, it became possible to summarize the first results of the contradictory development of research on the demographic history of Russia, in particular those aspects that reflect the problems of the war period. At the same time, the article highlights the problems of forming a corpus of sources underlying the study of the demographic history of the Great Patriotic War. The slowdown in the development of historical demography characteristic of the Soviet period is explained not only by ideological prohibitions, but, to no lesser extent, by the inaccessibility of sources, their unreliability and, accordingly, large errors contained in statistical documents. Nevertheless, the first specific studies using the statistical base revealed a clear exaggeration of the role and significance of the myth about the unreliability of Soviet statistics, which turned out to be significantly more accurate than expected. Based on this, the objectives of the article include the characteristics of the main trends in the development of historiography devoted to the demographic problems of the Great Patriotic War over a long period from 1946 to the present and, at the same time, the analysis of the source base. An equally important task is to link the development of historical demography as a science with the formation of a corpus of sources and, therefore, to identify the main trend in the creation of a corpus of sources. The development of historiography and the source study aspects of the problem in the article are rather conditionally, but quite logically, divided into three large periods.

Keywords: historical demography, population size, population composition, reproduction, migration, historiography, statistical sources.

The article has been received by the editor on 09.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Анатольевич Исупов**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Россия, e-mail: vladimir_2004@mail.ru
Vladimir Anatolievich Isupov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, e-mail: vladimir_2004@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития исторической демографии в России характеризуется значительными достижениями в изучении динамики народонаселения в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время историческая демография представляет собой один из бурно развивающихся разделов гуманитарной науки. Очень существенны, на наш взгляд, позитивные сдвиги в исследовании еще совсем недавно малоизвестных тенденций демографической динамики в годы Великой Отечественной войны. К сегодняшнему дню сделаны заметные шаги в ликвидации многочисленных «белых пятен». Многие из ранее скрытого стало известно. Таким образом, появилась возможность подвести первые итоги противоречивого развития исследований по демографической истории России, в частности тех ее аспектов, которые отражают проблемы военного периода. Вместе с тем в статье освещаются проблемы формирования корпуса источников, лежащих в основе изучения демографической истории Великой Отечественной войны. Торможение в развитии исторической демографии, свойственное советскому периоду, объясняется не только идеологическими запретами, но в не меньшей степени недоступностью источников, их недостоверностью и, соответственно, большими погрешностями, содержащимися в статистических документах. Но первые конкретные исследования с использованием статистической базы выявили явное преувеличение роли и значения мифа о недостоверности советской статистики. Она оказалась значительно точнее, чем ожидалось. Исходя из этого, в задачи статьи входит характеристика основных тенденций развития историографии, посвященной демографическим проблемам Великой Отечественной войны за длительный период с 1946 г. по настоящее время, и вместе с тем анализ источниковой базы. Не менее важной задачей является стремление связать развитие исторической демографии как науки с формированием корпуса источников и, таким образом, выявить основной тренд создания корпуса источников. Развитие историографии и источниковедческие аспекты проблемы в статье достаточно условны, но вполне логично разделяются на три крупных периода.

Ключевые слова: историческая демография, численность, состав населения, воспроизводство, миграции, историография, статистические источники.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025 г.

Сегодня исследования демографической истории России периода Великой Отечественной войны вступают в новый этап. Этот тезис нашел подтверждение в выступлениях коллег-историков на II Международной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов», прошедшей в апреле 2025 г. в Казани. В связи с этим чрезвычайно важно подвести некоторые итоги развития историко-демографической науки на предшествующих этапах и наметить очередные научные задачи. Это в свою очередь требует введения в научный оборот новых, ранее не использовавшихся (или слабо использовавшихся) источников.

Отметим попутно, что в статье речь идет о развитии исключительно отечественной историко-демографической науки. Важно учитывать, что зарубежная историография развивалась по своим весьма специфическим канонам, сильно отличающимся от принципов развития историко-демографических исследований в СССР. Совместить в одной статье анализ развития отечественной, с одной стороны, и зарубежной историографии, с другой, в сущности невозможно.

Первый этап изучения демографической истории Второй мировой войны. Первые публикации по историко-демографической проблематике военного времени увидели свет сразу после завершения Великой Отечественной войны, когда были организованы научно-практические медицинские конференции, на которых рассматривались такие специфические аспекты войны, как ее медико-санитарные последствия. Всего в СССР в 1946–1947 гг. было

проведено четыре конференции по военно-медицинской тематике¹. В ходе исследования медико-санитарных аспектов войны были поставлены и в крайне сжатом виде охарактеризованы некоторые демографические проблемы, а именно – динамика численности, состава, смертности и рождаемости населения в районах глубокого тыла и в регионах, подвергшихся оккупации². Однако демографические проблемы, сформулированные на конференциях врачей, не являлись специальным предметом рассмотрения. Они привлекались главным образом в качестве иллюстративного материала для освещения собственно медико-санитарных аспектов войны.

Но первые шаги были сделаны. Перспективы глубокого научного изучения демографических аспектов войны вырисовывались все более отчетливо. Было понятно, что исследователи натолкнулись на проблемы, достойные пристального и интенсивного изучения. Во всяком случае Н.А. Семашко, который к тому времени занимал пост председателя Комиссии по изучению последствий войны при Президиуме АМН СССР, в своем пленарном выступлении на второй конференции, состоявшейся в декабре 1946 г., подчеркнул, что научное изучение медико-санитарных последствий войны предполагает исследования и по демографической проблематике³. В качестве свидетельства развития изысканий в этом направлении Н.А. Семашко указал на появление первых диссертационных работ по военно-демографическим проблемам. Так, Г.Ф. Ершов (гор. Молотов) представил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук «О демографических сдвигах во время войны», а латвийский исследователь Лемперт представил кандидатскую диссертацию «Демографический анализ последствий немецкой оккупации»⁴.

Характерно, что Н.А. Семашко рассматривал демографическое развитие не как самостоятельный предмет исследования, но в рамках изучения медико-санитарных последствий войны. Это были первые шаги, которые в дальнейшем, в ходе развития методологической составляющей, несомненно привели бы к усилению демографической компоненты. Но, к сожалению, последующего развития исследования по демографии войны не получили. Первые шаги так и остались первыми шагами. Остро необходимая для изучения демографического тренда войны Всесоюзная перепись населения в первые послевоенные годы так и не была проведена. Согласно принятым в статистической науке правилам, перепись должна была состояться через 10 лет после предшествующей переписи, организованной в 1939 г. Стало быть, первая послевоенная перепись должна была проводиться в 1949 г. Но, как писал российский демограф А.Г. Вишневский, «Сталин не разрешил провести после войны перепись населения... Из-за этого очень важная информация о демографических итогах войны была безвозвратно утрачена»⁵. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что Сталин опасался распространения сведений о потерях. Как известно, сам Сталин 14 марта 1946 г. в интервью корреспонденту газеты «Правда» объявил, что потери Советского Союза в результате немец-

¹ Ашкинази И.Г. Изучение медико-санитарных последствий войны и мероприятий по их ликвидации // Гигиена и санитария. Журнал Наркомздрава СССР. 1947. № 4. С. 49–53.

² См., например: Фердинин Я.М. Демографические сдвиги в Ростовской области за годы войны // Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды первой конференции (22–24 апреля 1946 г.). М., 1947. С. 35–43; Новосельский С.А. Влияние войны и блокады на изменения возрастного-полового состава населения, на брачность и частоту разводов в Ленинграде // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М., 1948. С. 5–11; Ершов Г.Ф. Демографические последствия войны в Молотовской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации... С. 12–16; Обновленский П.Ф. Влияние войны на численный состав и движение населения в Калининской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации... С. 17–24.

³ Семашко Н.А. Состояние мероприятий по ликвидации медико-санитарных последствий войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. I. М., 1948. С. 3–12.

⁴ Там же.

⁵ Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 10. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1752?ysclid=m9i42ynl4m447125188> (дата обращения: 28.01.2025).

кого вторжения составили около семи миллионов человек⁶. Выйти за очерченные Сталиным рамки не представлялось возможным. Соответственно определение реальных людских потерь Советского Союза, а вслед за этим исследование динамики демографической подсистемы СССР в военные годы были фактически свернуты.

Послевоенные годы оцениваются как провал в изучении демографической истории СССР. «В 1953 году, после смерти вождя, – отмечал А.Г. Вишневский, – информационное поле демографической статистики и исследовательское поле демографии представляли собой выжженную пустыню»⁷. Публикации по демографической проблематике войны после непродолжительного периода активности в ходе научно-медицинских конференций прекратились. Статистические справочники не издавались. Первый послевоенный справочник, опубликованный ЦСУ СССР, увидел свет только в 1956 г.⁸ В этом справочнике впервые в советской статистической литературе была обнародована официальная оценка послевоенной численности населения СССР. На апрель 1956 г. она была определена в 200,2 млн чел., причем методика расчета не была раскрыта⁹. После проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. стало очевидным, что опубликованная оценка численности населения СССР не соответствовала реалиям. Вместе с тем стали очевидными причины сокрытия данных о населении и «замораживании» демографических исследований по периоду военных лет. Потери в годы Великой Отечественной войны столь ошеломляющие, что для властных структур СССР было удобнее скрыть истинные цифры. Фактически на исследования по демографической истории войны был наложен негласный запрет. Это, в конечном итоге, тормозило исследования по исторической демографии в целом. Выдающийся специалист в области исторической географии и экономической истории В.К. Яцунский в 1957 г. отмечал, что «история населения является забытым участком в нашей исторической науке, чрезвычайно мало привлекающим внимание советских историков»¹⁰. В сущности, на изучение протекавших в военные годы демографических процессов был наложен негласный запрет.

Второй этап. Только в 1960–1970-е гг. удалось прорвать пелену молчания о влиянии войны на динамику демографических показателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Первую попытку охарактеризовать влияние войны на динамику рождаемости СССР в 1941–1945 гг. предпринял выдающийся демограф советского времени Б.Ц. Урланис в 1963 г.¹¹ В условиях практически полного отсутствия статистических сведений, крайне необходимых для определения уровня рождаемости в годы войны, автор использовал данные о динамике числа учащихся первых четырех классов за 1949–1954 гг., т.е. тех, кто родился в годы Великой Отечественной войны. Б.Ц. Урланис пришел к выводу, что рождаемость в СССР в военные годы упала больше чем в 2 раза по сравнению с довоенным уровнем¹². Позднее Б.Ц. Урланис подтвердил свои расчеты в статье, размещенной в сборнике статей, вышедшем в 1977 г.¹³ Этот сборник явил собой знаменательный феномен первых позитивных сдвигов в становлении исторической демографии в СССР. В статье Б.Ц. Урланиса, посвященной колебаниям уровня рождаемости в СССР за хронологически длительный период с 1918 по 1976 г., собственно периоду Великой Отечественной войны отведена всего одна страница текста. Для подтверждения своего вывода о падении рождаемости в СССР в военные годы более чем в 2 раза Б.Ц. Урланис привлек материалы переписей 1959 и 1970 г. о структуре населения¹⁴.

⁶ Правда. 1946. 14 марта.

⁷ Вишневский А.Г. Демография сталинской эпохи [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (дата обращения: 28.01.2025).

⁸ Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Яцунский В.К. Изменения в размещении населения европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192.

¹¹ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

¹² Там же. С. 29–30.

¹³ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 13–14.

¹⁴ Там же.

В этом же сборнике была опубликована статья И.П. Ильиной¹⁵. Это одна из первых в советской историко-демографической литературе статей, в которой предпринята результативная попытка охарактеризовать тенденции матримониального поведения женщин в военные годы, показать структурные изменения брачности (недостаток женихов в группах репродуктивных возрастов). Но этот сборник оказался единственным, в котором характеризовались некоторые тенденции демографической динамики в 1941–1945 гг. И только в 1979 г. увидела свет статья Р.И. Сифман, посвященная анализу причин снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны¹⁶. Подчеркивая недостаточную изученность проблемы, Р.И. Сифман пишет о снижении детской смертности в годы Великой Отечественной войны как о «загадочном» явлении социально-демографического развития СССР¹⁷.

Казалось бы, обнародование результатов исследований по военно-демографической тематике столь авторитетных ученых, как Б.Ц. Урланис, И.П. Ильина, Р.И. Сифман, должно было придать импульс развитию этого важного направления в советской науке. Но этого не произошло. Изучение демографических аспектов войны вновь оказалось отодвинутым на далекую периферию научной жизни. Демографическая проблематика войны, как и прежде, была табуирована в идеологическом отношении. Но главное – источники были недоступны для ученых. В исследованиях по демографической истории войны наступила пауза.

Третий этап. В середине 1980-х гг. в связи с кардинальными политическими изменениями, происшедшими в стране, затянувшаяся пауза была прервана. Снятие многочисленных идеологических табу, отмена цензуры, расширение источниковой базы способствовали бурному росту историко-демографических исследований. Отметим, что непредвиденный прорыв в изучении демографических аспектов войны наметился прежде всего в глубокой провинции. В 1985 г. в Новосибирске свет увидела небольшая по объему статья, которой суждено было прорвать пелену умолчания¹⁸. Статья засвидетельствовала приход нового этапа в исследовании демографической истории Великой Отечественной войны. Вслед за этой статьей хлынул целый поток работ монографического характера, связанных с исследованием демографических аспектов войны в российских регионах¹⁹.

Вместе с тем, несмотря на преобладание региональных исследований, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. появляется все больше исследований, посвященных общероссийским тенденциям динамики демографической подсистемы страны в годы Великой Отечественной войны. С этого времени и уже несколько десятилетий историческая демография после длительного периода застоя являет собой своеобразный феномен науки, бурно развивающейся на стыке истории и демографии. Проблемы в 1980–1990-е гг., решаемые главным образом на региональном материале, были сформулированы в масштабах страны. Были сделаны первые и достаточно уверенные шаги в исследовании демографических аспектов войны в масштабах страны в целом. В работах, посвященных общероссийской тематике, сформулированы новые проблемы, выявлены ранее неизвестные количественные параметры

¹⁵ Ильина И.П. Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 50–61.

¹⁶ Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб. ст. М., 1979. С. 50–60.

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1985. № 3, вып. 1. С. 3–8.

¹⁹ См.: Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Кыштанов В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг.: Абакан, 1995; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000; Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003; Чернышева Н.В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск, 2014; Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань, 2015; Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; и др.

демографического развития, определены важнейшие тенденции воспроизводства тылового населения (смертность, рождаемость, брачность), установлены изменения половозрастной структуры населения, вскрыты основные тенденции миграционного движения населения²⁰.

Важной проблемой третьего периода исследований демографических аспектов военных лет стало изучение потерь советского населения в годы войны. Эту проблему, в сущности, нельзя рассматривать только как демографическую – это скорее военно-политический вопрос, имеющий косвенное отношение к историко-демографической тематике. Учитывая это, мы в своей статье не затрагиваем проблему потерь. Тем более что по этому вопросу в 2012 г. опубликована обстоятельная монография С.А. Кропачева и Е.Ф. Кринко, к которой мы и отсылаем читателя²¹.

Источники, характерные для начальных этапов исследования демографической истории Великой Отечественной войны.

Переписи населения. В 1980-е гг. изучение новой историко-демографической науки проблематики потребовало значительного расширения источниковой базы и привлечения ранее не использовавшихся источников. Историки, проявившие интерес к проблемам демографической истории, прежде всего обратились, как и следовало ожидать, к статистическим источникам. В состав источников по демографической истории Великой Отечественной войны прежде всего вошли Всесоюзные переписи населения 1939 и 1959 гг.

Материалы переписи 1939 г. до середины 1980-х гг. практически не вводились в научный оборот. Ее материалы публиковались отрывочно и в крайне сжатом виде. Основная часть материалов переписи для исследователей была недоступна. И только в середине 1980-х гг. перепись 1939 г. была открыта для исследователей демографической истории СССР. В 1992 г. материалы переписи были обнародованы²². Перепись сразу же привлекла внимание ученых в качестве источника информации не только о численности, но, что особенно важно, о составе как городского, так и сельского населения. Но как только историки получили свободный доступ к материалам переписи 1939 г., возник вопрос о степени достоверности ее материалов, что вызвало бурную дискуссию на предмет ее фальсификации. Позитивным результатом дискуссии явился доскональный анализ переписи 1939 г. как источника по демографической истории СССР накануне Второй мировой войны и вывод о возможности использования переписи 1939 г. как источника по демографической истории СССР²³.

Перепись 1939 г. содержит информацию о населении СССР по состоянию на начало Второй мировой войны. С переписью 1959 г. ситуация обстоит несколько сложнее. В большинстве стран, участниц Второй мировой войны, переписи были проведены почти сразу после ее окончания. Только в СССР послевоенная перепись населения была проведена через 14 лет после окончания войны – в январе 1959 г. Это понизило информативность переписи. Однако ее результатами в принципе можно пользоваться. Так, материалы переписи 1959 г. с использованием метода передвижки возрастов назад (от 1959 к 1945 г.) были положены в основу исследования В.С. Гельфанда о численности, структуре, воспроизводстве и потерях населения СССР в годы Второй мировой войны²⁴. Исследование о демографических последствиях Второй мировой войны в России на основе переписей населения 1939 г. (на входе) и 1959 г. (на выходе) провел А.Г. Вишневский²⁵. В настоящее время нет, пожалуй, ни одного

²⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17; Исупов В.А. Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества // Парадигмы и модели демографического развития. XII Уральский демографический форум: междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. Т. 1. Екатеринбург, 2021. С. 71–78; и др.

²¹ Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012.

²² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М., 1992.

²³ Более подробно о состоявшейся дискуссии см.: Население России в XX веке... Т. 1. М., 2000.

²⁴ Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990): стат. справочник. Пермь, 1992.

исследователя демографической истории войны, который прошел бы мимо этих важных исторических источников.

Загсовская статистика. Не менее важным источником информации о воспроизводстве населения России в военные годы являются материалы так называемой загсовской статистики. Без этого вида источников глубокое научное исследование демографической проблематики военных лет вообще невозможно. Соответственно этот вид источников освоен настолько обстоятельно, что необходимости в его детальном анализе в настоящей статье нет. Отметим только, что в центральных архивах (РГАЭ, ГАРФ) имеются фонды ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР, а в региональных – фонды местных статистических управлений (краевых и областных), а также фонды статистических управлений автономных республик. Получившие в ходе перестройки доступ к фондам статистических учреждений исследователи в первую очередь обратили внимание на богатейшие коллекции документов, содержащих сведения о численности населения (по стране в целом, по отдельным краям, областям, автономным республикам). Большое количество документов загсовского происхождения содержит цифровые данные о рождаемости, смертности, брачности, разводимости.

Но так называемые «статистические» источники представляют собой не только колонки цифр, оформленные в таблицы, но и материалы нарративного характера. В фондах статистических органов хранится большое количество так называемых аналитических записок, которые представляют собой доклады для принимающих решения руководителей партийного и советского аппарата. Записки содержат не только статистическую информацию, но и выводы статистиков об основных тенденциях демографической динамики. Самые важные материалы, оформленные в виде докладных записок, направлялись непосредственно на имя крупных руководителей – В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, Г.М. Маленкову, Н.А. Вознесенскому и др. Решения о воинских и трудовых мобилизациях, о распределении продовольственных и промтоварных фондов по регионам и многие другие в значительной степени принимались с учетом материалов органов статистики.

Возникает вопрос – откуда статистики черпали первичную информацию, без которой создание нарративных документов было невозможно? В СССР основным первичным источником сведений о населении была так называемая «загсовская» регистрация демографических событий. Вся страна была охвачена сетью так называемых загсов, создание которых началось в 1918 г. В сельской местности функции загсов выполняли сельсоветы, а в рабочих поселках – поселковые советы. Каждый гражданин обязан был явиться в загс и зарегистрировать там рождение ребенка, смерть родственника, брак или развод.

Заявительный принцип, который лежал в основе деятельности загсов, был самым слабым местом получения первичных статистических данных. Далеко не все граждане аккуратно исполняли требования закона. Они не придавали значения гражданской регистрации, а в некоторых случаях намеренно уклонялись от явки в загсы. Это приводило к погрешностям учета. Тем не менее усилия властей, предпринимаемые с целью улучшения учета, позитивно отражались на точности регистрации родившихся и умерших, браков и разводов. Добиться абсолютной точности учета не удалось. Так, в марте 1940 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.В. Саутин докладывал Председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах <...>, цифры не являются вполне точными»²⁵. В годы Великой Отечественной войны погрешность учета демографических событий увеличилась за счет того, что на оккупированных территориях работа загсов прекращалась. Эти территории с позиций демографического учета представляют собой огромное «белое пятно». Отметим, что при изгнании оккупантов сеть загсов немедленно восстанавливалась.

Гражданская регистрация демографических событий содержала следующую информацию (с разбивкой на город и сельскую местность): число родившихся и их гендерное соот-

²⁵ Вишневецкий А.Г. Демографический след войны [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. С. 1–20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

²⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.

ношение, возраст матерей, число заключаемых браков и разводов, возраст мужчин и женщин, заключавших брак или оформляющих развод, число смертных случаев, пол и возраст умерших, причины смерти (только в городах). Это дает возможность достаточно детально анализировать так называемое «естественное движение населения». Мы высоко оцениваем собственно гражданскую загсовскую регистрацию демографических событий в тыловых регионах РСФСР (России).

Вместе с тем историк сталкивается с некоторыми трудностями при работе с материалами так называемых неординарных социальных групп, которые оказались за пределами загсового учета. В частности, особым образом фиксировался такой специфический компонент естественного движения населения, как смертность пенитенциарных групп. Показатели смертности этой группы населения оказывали существенное воздействие на параметры смертности по СССР в целом. Игнорирование смертных случаев в лагерях, колониях и тюрьмах приводило к искажению статистических сведений. В этой связи в 1939 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674, была предпринята попытка организовать учет смертности заключенных с использованием общегражданской (загсовской) системы регистрации демографических событий. Начальникам лагерей, колоний и тюрем вменялось в обязанность в трехдневный срок направлять в загсы по месту проживания узников (до момента ареста) извещения о каждом случае смерти²⁷. Но приказ этот выполнялся крайне неохотно. НКВД строго хранил свои мрачные тайны и не стремился делиться сведениями об умерших заключенных. Материалы о смерти заключенных намеренно искажались. Они отличались неполнотой и направлялись в загсы с большим опозданием. Так, в 1942 г. в лагерях СССР умерло почти 20 тыс. заключенных, бывших жителей Ленинграда. Но в загсы осажденного города отрывные талоны на них пришли только в конце 1943 г. Эти сведения так и не были учтены при расчетах динамики смертности ленинградцев²⁸. В лагерях Карело-Финской ССР в 1941–1943 гг. и первом квартале 1944 г. была зафиксирована смерть 100 заключенных. Но зарегистрированы они были как умершие только в марте 1944 г.²⁹ Те немногие сведения, поступавшие в загсы из лагерей и колоний, перемешивались с материалами о смертности гражданского населения. Это делалось для того, чтобы было невозможно вычленить сведения о смертности пенитенциарного населения из общего массива статистических материалов.

Не находили отражения в отчетности гражданских статистических органов и смерти военнослужащих. Они не регистрировались загсами, сельскими и поселковыми советами. Начальник ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовский 15 апреля 1942 г. писал заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования НКО СССР генерал-майору Белякову и начальнику главного управления милиции НКВД СССР Галкину: «В настоящее время военнослужащие, погибшие в боях и умершие от ран, учитываются в органах Наркомата Оборона, смерть их в отделах ЗАГС не регистрируется. Военнослужащие, умершие от болезней, также учитываются в органах Наркомата Оборона»³⁰. Это делалось, с одной стороны, с целью избежать двойного счета, а с другой – предотвратить распространение информации о потерях Красной армии.

Похозяйственный учет сельских советов. Основным источником сведений о составе сельского населения в военные годы является похозяйственный учет, который проводился сельсоветами. Система похозяйственного учета, сложившаяся в нашей стране, состояла из двух видов первичного учета – похозяйственных книг и списка лиц, временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету. Похозяйственные книги содержали сведения о каждом отдельном хозяйстве и, соответственно, о каждом члене хозяйства (семьи). В списки временно проживающих вносились все прибывшие на срок более месяца.

²⁷ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 26.

²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1471. Л. 22.

²⁹ Там же. Д. 406. Л. 20.

³⁰ Там же. Д. 791. Л. 66.

Похозяйственные книги и списки временно проживающих служили основой для составления на начало каждого года единовременного отчета с распределением всего наличного населения по полу, возрасту и ряду других признаков. В ноябре 1942 г. ЦСУ Госплана СССР утвердил специальную отчетную форму: «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения». Ежегодно, начиная с 1943 г., отчеты направлялись районным инспекторам ЦСУ, которые проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в связи с кардинальными сдвигами в численности и структуре населения с началом войны устарели и не могли служить надежной базой для анализа. Власти требовали «свежую» статистическую информацию. Между тем единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения проверялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но и дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

Статистика механического движения населения. Статистика механического движения населения (миграции) обладает своими особенностями. Собственно регистрация прибывших-выбывших в городах (главным образом в крупных) на основе прописки-выписки была развернута в СССР еще в 1920-е гг. Но система, основанная на «заявительном» принципе (как и в случае регистрации рождений и смертей), согласно которому граждане должны были явиться в так называемые «адресные столы» для оформления прописки или выписки, действовала недостаточно четко. Большинство миграций в городах не фиксировалось, а переселения в сельской местности и перемещения людского контингента в небольших городских поселениях не учитывались вовсе. Относительно систематизированный облик регистрация прибывших-выбывших приняла в конце 1932 г., когда советское государство, стремившееся к тотальному контролю над гражданами страны, приняло решение о паспортизации населения³¹. Право получить паспорт (как акт особого политического доверия) было предоставлено главным образом жителям городов. Колхозники, а тем более единоличники, паспорта не получали. Соответственно миллионные массы населения оказались за бортом паспортного учета.

С заявительным принципом при оформлении прописки-выписки было покончено. Граждане, имевшие паспорта, при смене места жительства были обязаны под угрозой сурового наказания оформить при отъезде выписку, а при прибытии прописку. В 1940 г. с целью полного охвата городского населения паспортным учетом и усиления ответственности за нарушение паспортного режима 10 октября 1940 г. СНК СССР утвердил «Положение о паспортах»³². Согласно «Положению» граждане при оформлении прописки-выписки заполняли отрывные адресные листки, которые передавались для обработки в статистические органы³³. Таким образом, вырабатывались сведения о численности мигрантов, их половозрастном составе, об основных направлениях территориальных перемещений людей.

Расчеты численности населения. Важная задача исследования демографических аспектов войны – определение динамики численности населения страны. Расчеты численности населения, которые проводились советскими статистиками, охватывали только гражданское население, без армии, госпиталей и спецконтингента. Во всех документах ЦСУ СССР и региональных статистических управлений, в которых содержались сведения о численности населения, ставился особый гриф: «Без армии, госпиталей и спецконтин-

³¹ Собрание законов и распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее СЗ СССР). № 84. 1932, отд. 1, ст. 516.

³² Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24, ст. 591.

³³ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. 2-е изд. М., 1945. С. 231.

гентов». Соответственно, советская демографическая статистика не учитывала миллионы людей, которые, по сути, игнорировались общегражданскими организациями. Сегодня нам известно, что за четыре года войны в Вооруженные Силы СССР было мобилизовано 29,6 млн чел., а всего с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе в Красной армии и Военно-морском флоте, – 34,5 млн чел.³⁴ Максимальной одномоментной численности Красная армия достигла 1 января 1945 г., когда в строю насчитывалось 11,1 млн солдат, сержантов и офицеров³⁵. Число военнослужащих, госпитализированных в течение войны, составляло свыше 22,3 млн чел.³⁶ При этом на 1 января 1942 г. на излечении в госпиталях находилось 606,8 тыс. чел., на 1 января 1943 г. – 949 тыс., на 1 января 1944 г. – 1 255,3 тыс., на 1 января 1945 г. – 915,3 тыс. чел.³⁷

Численность заключенных в годы войны колебалась от 1,9 млн чел. в 1941 г. до 1,5 млн чел. в 1945 г.³⁸ Кроме того, в Советском Союзе на 1 октября 1941 г. насчитывалось 936,5 тыс. трудпоселенцев («кулацкая ссылка»)³⁹. К 1 января 1945 г. количество спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев превысило 2 217,7 тыс. чел.⁴⁰ По вопросу запутанности учета спецпереселенцев мы имеем авторитетное свидетельство заместителя уполномоченного Госплана СССР по Коми АССР П. Иванова. Отмечая неразбериху в учете спецпереселенцев, он отмечал, что спецпереселенцы не проходят процедуры прописки-выписки в паспортных столах, а следовательно, об их прибытии и выбытии гражданские статистические органы сведений не имеют. В сельской местности, указывал П. Иванов, часть спецпереселенцев попадает в списки сельсоветского учета, другая часть не учитывается⁴¹.

Таким образом, миллионы граждан оказались за рамками статистического учета при расчетах численности населения местными областными и краевыми статистическими органами. Согласно методике ЦСУ СССР, военнослужащие и спецконтингент обозначались как «нераспределенные по территориям». Они включались в численность населения Советского Союза в целом, но не учитывались при расчетах количества населения союзных и автономных республик, краев и областей. В итоге складывалась противоречивая учетная ситуация. На 1 января 1942 г. численность населения регионов СССР, не подвергшихся оккупации, была определена в 150,2 млн чел. В это число включалось население, нераспределенное по территориям, а именно военнослужащие в армии и госпиталях, заключенные и спецпереселенцы. Их количество достигало 24,5 млн чел., что составляло 16 % от общей численности населения СССР⁴². Следовательно, когда ЦСУ СССР указывало, что в РСФСР на эту дату проживало 96,1 млн чел.⁴³, необходимо иметь в виду, что на самом деле реальная численность населения России было значительно больше, так как нераспределенные по территории в данном случае не учитывались. Но выявить количество нераспределенных по территориям в региональном аспекте – в отдельных союзных и автономных республиках, краях и областях не представляется возможным.

Отметим, однако, что численность нераспределенных по территориям к концу войны сократилась. На 1 января 1945 г. население СССР по оценкам ЦСУ СССР составляло 179,6 млн чел., в том числе число нераспределенных по территориям было определено в 16 млн чел., или 9,4% от населения страны⁴⁴. В принципе сегодня историки имеют довольно значительный корпус источников, который делает возможным научный анализ основных тенденций динамики демографической сферы России в годы Великой Отечественной войны.

³⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 36.

³⁵ Там же. С. 39.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С. 39.

³⁸ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11.

³⁹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 99.

⁴⁰ Там же. С. 119.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 417. Л. 89.

⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 68.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 119.

Новые задачи – новые источники. Современный период являет собой логичное продолжение третьего этапа изучения демографической истории России в годы Второй мировой войны. Сегодня мы находимся в начале нового, четвертого этапа изучения демографической истории Великой Отечественной войны. Это пока гипотеза. Подтвердится эта гипотеза или нет – станет ясно в ближайшее время. Но в любом случае перед историками во всей своей сложности встают новые задачи и вместе с тем остаются давние нерешенные задачи.

Во-первых, важно продолжать изучение той демографической катастрофы, в которую была ввергнута наша страна в период Великой Отечественной войны. Следовательно, остается научно актуальным установление объема потерь населения: боевых потерь вооруженных формирований Советского Союза (Красной армии, ополченских формирований, потерь военнопленных, партизан и подпольщиков, потерь среди коллаборантов), потерь гражданского населения вследствие деятельности нацистских оккупационных властей и потерь тылового населения вследствие сокращения рождаемости и повышения смертности. Собственно потери вооруженных формирований и потери населения вследствие репрессивной деятельности оккупантов – это не столько демографическая, но скорее военно-политическая проблема. Но эта проблема не исследована полностью, а кроме того, она вносит огромный вклад в масштабы той демографической катастрофы, которая обрушилась на нашу страну в годы войны, и ее исследование должно быть продолжено.

Во-вторых, важно продолжать исследование региональных аспектов демографической динамики как тыловых районов, так и территорий, подвергшихся оккупации. Россия территориально настолько обширная страна, что без анализа регионального среза формирование цельной картины демографической истории невозможно. Между тем демографическая история многих регионов и отдельных городов еще не изучена. Вместе с тем во всей своей полноте встает задача исследования динамики демографической подсистемы России в военные годы. Пазл, состоящий пока (подобно мозаике) из региональных исследований, должен сложиться в цельную картину.

В-третьих, должны быть продолжены исследования уже сформулированных ранее проблем. Во всяком случае определение количественных параметров демографического развития в военные годы, как и прежде, остается важной задачей. В этом контексте необходимо продолжать изучение динамики численности и состава народонаселения (в том числе и внесение поправок и уточнений). Не менее важной задачей, как и прежде, остается выявление основных характеристик воспроизводства населения в его количественном выражении. Также важен анализ миграционного движения населения. Без исследования этих проблем невозможно определение масштабов демографической катастрофы военного времени.

Но вместе с тем на современном этапе развития науки встают и новые, более сложные задачи. Они генерируются разными факторами, но прежде всего спецификой современной демографической ситуации, которая характеризуется острыми кризисными явлениями. Очевидно, что решить задачи по разрешению кризиса и поиском решений, направленных на борьбу с депопуляцией, можно только с учетом ретроспективы. Нет сомнений, что корни нынешней крайне напряженной демографической обстановки уходят в прошлое. Это не декларация историков, но свидетельство самих демографов. «Ни настоящее, ни будущее не может быть понято без знания прошлого», – указывается в предисловии к одной из лучших отечественных книг по демографии⁴⁵. Демографы не только осознают значение исторического фактора, но чаще, чем представители других наук, обращаются к истории. Доказательством тому являются работы выдающихся отечественных демографов А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, А.Я. Кваши, Л.Е. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса и др.

Если рассматривать эволюцию населения в широком историческом контексте, нельзя не учитывать воздействие внешних (по отношению к демографической подсистеме) недемографических факторов политического, социокультурного и экономического характера. А это задача историков, которые могут и должны сыграть роль, только им предназначенную.

⁴⁵ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.

Иными словами, историки призваны навести мосты между двумя берегами – собственно демографическими процессами – с одной стороны, и воздействующими на них факторами исторического характера – с другой.

Что же должны сделать историки? Чтобы достигнуть цели, они должны решить несколько сложных и весьма специфических историко-демографических задач.

1. Определить основные направления демографической динамики России в военные годы в их числовом выражении. Эта задача, несмотря на многочисленные попытки ее разрешения на прошлых этапах развития науки, по-прежнему остается актуальной.

2. Ответить на вопрос – имел ли место демографический переход как ядро демографической модернизации в тыловых районах России в годы Второй мировой войны? Ответ на этот вопрос приобретает особую актуальность в связи с установлением факта резкого падения рождаемости в регионах глубокого тыла России. В этом контексте чрезвычайно важно определить роль различных факторов в процессе снижения рождаемости. В частности необходимо понять, сокращалась ли рождаемость только вследствие деформации половозрастной структуры населения военных лет (дефицит мужчин – мужей и женихов) или определенный вклад в этот процесс внесли кардинальные изменения репродуктивного поведения тылового населения.

3. Установить, имел ли место в военные годы в районах глубокого тыла эпидемиологический переход. Ответ на этот вопрос также весьма актуален в свете установленного факта сокращения смертности в тыловых районах, изменения структуры причин смертности и трансформации возрастных характеристик смертности. Это должно быть соотнесено с военными потерями населения России.

4. Выявить изменения половозрастного состава сельского и городского населения и вскрыть воздействие этого фактора на послевоенное демографическое развитие.

5. Определить военно-политические, экономические и социокультурные последствия миграций военного времени и их воздействие на размещение населения.

Новые задачи дополнительно к уже выявленным требуют наряду с уже выявленными источниками введения в научный оборот новых источников.

Новые задачи – новые источники.

Стандартные справки. Для периода Великой Отечественной войны источники (единовременная отчетность, которая велась сельскими советами) позволяют с достаточной степенью достоверности определить численность сельского населения и половозрастные деформации, сложившиеся в сельской местности. Но не менее важно вскрыть изменения численности и состава городского населения. Достижению этой цели служит недавно обнаруженный новый источник – расчеты, которые вели статистики с 1943 г. на основе так называемых стандартных справок. Начало Великой Отечественной войны характеризуется сложными и в сущности хаотичными социально-экономическими процессами. Беспорядок, злоупотребления и мошенничество имели место и при организации снабжения населения продовольственными карточками. В этой связи в ноябре 1942 г. увидел свет приказ НКТ СССР «Об упорядочении карточной системы на хлеб»⁴⁶. Отныне каждый гражданин, оформляя продовольственные карточки, обязан был получить индивидуальную стандартную справку, в которой фиксировались ФИО, пол, возраст, адрес проживания и другие данные. Таким образом, индивидуальные стандартные справки, как указывалось в аналитической записке ЦСУ СССР от 2 января 1943 г., «дают почти исчерпывающую возможность полного учета городского населения»⁴⁷. Стандартные справки распространялись на широкий круг городского населения: рабочих, служащих, студентов, иждивенцев, надомников, состоящих в штатах предприятий, пенсионеров, инвалидов, кустарей, членов семей военнослужащих. Заинтересованность граждан в получении стандартной справки способствовала заметному повышению точности статистического учета. Отметим, что при расчетах численности городского населения учитывались группы, которые не получали карточек, но состояли

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 339. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 6 об.

на государственном обеспечении: дети в детских домах, лица, находившиеся в домах инвалидов, в больницах и т.д. Сведения о них статистики получали непосредственно от руководителей учреждений. Лица, не получившие стандартную справку, лишались карточек.

Начиная с января 1943 г. статистики проводили регулярную сверку численности городского населения с данными карточных бюро. Для этого Наркомат торговли СССР направлял сведения о количестве выданных продуктовых карточек в органы статистики. Это позволяло уточнить данные о численности и составе городского населения.

Списки избирателей. Еще одним важным источником, содержащим сведения о численности и составе населения, являются списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) а также Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились граждане страны в возрасте 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. разрешил статистикам использовать эти списки для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения⁴⁸.

Однако в списки избирателей вносились не все группы населения. В частности, в списки не включались лишенные избирательных прав заключенные и спецпереселенцы. Исходя из соображений секретности, СНК СССР запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Тем не менее сопоставление численности и структуры населения по окончании войны с аналогичными данными до начала войны имеет неоценимое значение при определении потерь населения в военные годы.

Что касается численности и состава детского и подросткового населения (до 18 лет), не вошедшего в списки избирателей, то этот пробел компенсируется использованием такого источника, как подсчет детей и подростков, организованный в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Он был проведен, чтобы дополнить списки избирателей и получить недостающую информацию о населении. Организатором подсчета явилось ЦСУ СССР. Подсчет условно можно оценить как своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет.

Сведения о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда были получены в ходе подворного обхода. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14 % детей и подростков и показала, что погрешность составила в принципе незначительную величину – всего 2 %⁴⁹.

Документы органов здравоохранения. Анализ эпидемиологического перехода, который, по нашему мнению, развернулся в тыловых районах России в военные годы, невозможен без привлечения документов Наркомздрава СССР и Наркомздрава РСФСР. Эти документы содержат информацию о заболеваемости населения, причинах смертности и больничной летальности, возрастном и половом составе умерших, о борьбе с эпидемиями.

И если сегодня изучение демографической истории Великой Отечественной войны вступило в новую стадию, то важно отметить, что анализ этих вопросов достаточно хорошо обеспечен источниками.

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1985. № 3, вып. 1. С. 3–8.

⁴⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 7.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 691. Л. 2.

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

Ашкинази И.Г. Изучение медико-санитарных последствий войны и мероприятий по их ликвидации // Гигиена и санитария. Журнал Наркомздрава СССР. 1947. № 4. С. 49–53.

Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. 33 с.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 2009. 384 с.

Вишневский А.Г. Демография сталинской эпохи [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (дата обращения: 28.01.2025).

Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 3–42. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1752?ysclid=m9i42ynl4m447125188> (дата обращения: 28.01.2025).

Вишневский А.Г. Демографический след войны [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. С. 1–20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М.: Наука, 1992. 256 с.

Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990): стат. справочник. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 284 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / ред. А.Г. Вишневский. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Ершов Г.Ф. Демографические последствия войны в Молотовской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 12–16.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.

Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 50–61.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества // Парадигмы и модели демографического развития. XII Уральский демографический форум. Междунар. науч.-практ. конф. Сб. ст. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 71–78.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990. 223 с.

Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 350 с.

Кышпанов В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг.: Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1995. 348 с.

Народное хозяйство СССР: стат. сб. М.: Гос. статистическое изд-во, 1956. 263 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

Население России в XX веке. Т. 1 / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 463 с.

Новосельский С.А. Влияние войны и блокады на изменения возрастно-полового состава населения, на брачность и частоту разводов в Ленинграде // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 5–11.

Обновленский П.Ф. Влияние войны на численный состав и движение населения в Калининской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 17–24.

Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР / И.Ю. Писарев и др. 2-е изд. М.: Госпланиздат, 1945. 268 с.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2017. 350 с.

Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань: Казан. ун-т, 2015. 229 с.

Семашко Н.А. Состояние мероприятий по ликвидации медико-санитарных последствий войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 1. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 3–12.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000. 148 с.

Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 50–60.

Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ФГБОУ Ижевская ГСХА, 2014. 170 с.

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.

Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 8–27.

Фердинин Я.М. Демографические сдвиги в Ростовской области за годы войны // Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды первой конференции (22–24 апреля 1946 г.). М.: Медгиз, 1947. С. 35–43.

Чернышева Н.В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГТУ, 2012. 217 с.

Яцунский В.К. Изменения в размещении населения европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192–224.

Reference

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1985). Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody) [The Population of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. No. 3, Iss. 1, pp. 3–8.

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka. 232 p.

Ashkinazi, I.G. (1947). *Izuchenie mediko-sanitarnykh posledstviy voyny i meropriyatiy po ikh likvidatsii* [Study of the Health Consequences of War and Measures to Eliminate Them]. In *Gigiena i sanitariya. Zhurnal Narkomzdrava SSSR*. No. 4, pp. 49–53.

Beznosova, N.P. (2003). *Demograficheskaya situatsiya v Komi ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [The Demographic Situation in the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Syktyvkar. 33 p.

Chernysheva, N.V. (2012). *Naselenie Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov, Izdatel'stvo VyatGTU. 217 p.

Ershov, G.F. (1948). Demograficheskie posledstviya voyny v Molotovskoy oblasti [Demographic Consequences of the War in the Molotov Region]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 12–16.

Ferdinin, Ya.M. (1947). Demograficheskie sdvigi v Rostovskoy oblasti za gody voyny [Demographic Shifts in the Rostov Region during the War Years]. In *Sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy pervoy konferentsii. 22–24 aprelya 1946 goda*. Moscow, Medgiz, pp. 35–43.

Gelfand, V.S. (1992). *Naselenie SSSR za 50 let (1941–1990): statisticheskiy spravochnik* [USSR Population for 50 Years (1941–1990): Statistical Handbook]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 284 p.

Iliina, I.P. (1977). Vliyanie voyn na brachnost' sovetskikh zhenshhin [The Impact of Wars on the Marriage of Soviet Women]. In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' naseleniya v Rossii i v SSSR*. Moscow, Statistika, pp. 50–61.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Disasters and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2021). Demograficheskaya politika stalinskogo gosudarstva v usloviyah "szhatiya" grazhdanskogo obshchestva [The Demographic Policy of the Stalinist State in the Conditions of "Compression" of Civil Society]. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. XII Ural'skiy demograficheskiy forum. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sbornik statey*. Vol. 1. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN, pp. 71–78.

Kornilov, G.E. (1990). *Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 223 p.

Kornilov, G.E. (1993). *Ural'skoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural Village and War. Problems of Demographic Development]. Yekaterinburg, Uralagropress. 174 p.

Krivosheev, G.F. et al. (2009). *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveyshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic War Without a Stamp of Secrecy. Loss Book. Newest Reference Edition]. Moscow, Veche. 384 p.

Kropachev, S.A., Krinko, E.F. (2012). *Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 godakh: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya* [Losses of the Population of the USSR in 1937–1945: Scales and Forms. Domestic Historiography]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 350 p.

Kyshpanakov, V.A. (1995). *Naselenie Khakasii: 1917–1990-e gody* [Population of Khakassia: 1917–1990s]. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.F. Katanova. 348 p.

(1956). *Narodnoe khozyaystvo SSSR. Statisticheskiy sbornik* [National Economy of the USSR. Statistical Compilation]. Moscow, Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. 263 p.

(2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. Tom 2: 1940–1959* [The Population of Russia in the 20th Century. Vol. 2: 1940–1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Novoselskiy, S.A. (1948). Vliyanie voyny i blokady na izmeneniya vozrastno-polovogo sostava naseleniya, na brachnost' i chastotu razvodov v Leningrade [The Influence of War and the Blockade on Changes in the Age and Sex Composition of the Population, on Marriage and the Frequency of Divorce in Leningrad]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 5–11.

Obnovlenskiy, P.F. (1948). Vliyanie voyny na chislennyi sostav i dvizhenie naseleniya v Kalininskoy oblasti [The Impact of the War on the Strength and Movement of the Population in the Kalinin Region]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 17–24.

Pisarev, I.Yu. et al. (1945). *Posobie po statistike dlya rayonnykh i uchastkovykh inspektorov CzSU Gosplana SSSR. 2-e izdanie* [Manual on Statistics for District and District Inspectors of the Central Directorate of the USSR State Planning Commission. 2nd Edition]. Moscow, Gosplanizdat. 268 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke. Tom 1* [The Population of Russia in the 20th Century. Vol. 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 463 p.

Polyakov, Yu.A. et al. (Comp.), Aralovets, N.A. (Comm.). (1992). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnye itogi* [All-Union Census of 1939: The Main Results]. Moscow, Nauka. 256 p.

Rakachev, V.N. (2017). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930–1950-e gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of the Kuban and Stavropol in – 1930s and 1950s: Historical and Demographic Research]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Sakaev, V.T., Telishev, V.F. (2015). *Gorodskoe naselenie Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskie i politiko-demograficheskie aspekty* [Urban Population of Tatarstan during the Great Patriotic War: Historical-Demographic and Political-Demographic Aspects]. Kazan, Kazanskiy universitet. 229 p.

Semashko, N.A. (1948). Sostoyanie meropriyatiy po likvidatsii mediko-sanitarnykh posledstviy voyny [Social Measures to Eliminate the Health Consequences of War]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 3–12.

Sifman, R.I. (1979). K voprosu o prichinakh snizheniya detskoj smertnosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [To the Question of the Reasons for Reducing Child Mortality during the Great Patriotic War]. In *Prodolzhitel'nost' zhizni: analiz i modelirovanie. Sbornik statey*. Moscow, Statistika, pp. 50–60.

Sivtseva, S.I. (2000). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941–1945 gody)* [Yakutia during the Great Patriotic War: Socio-Demographic Aspect (1941–1945)]. Yakutsk. 148 p.

Urlanis, B.Cz. (1963). *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [Birth Rate and Life Expectancy in the USSR]. Moscow, Gosstatizdat. 136 p.

Urlanis, B.Cz. (1977). Dinamika urovnya rozhdaemosti v SSSR za gody Sovetskoj vlasti [Dynamics of the Birth Rate in the USSR during the Years of Soviet Power]. In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' naseleniya v Rossii i v SSSR*. Moscow, Statistika, pp. 8–27.

Uvarov, S.N. (2014). *Sel'skoe naselenie Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: demograficheskiy aspekt* [Rural Population of Udmurtia during the Great Patriotic War: Demographic Aspect]. Izhevsk. 170 p.

Vishnevskiy, A.G. (2003). Demografiya stalinskoy epokhi [Demography of the Stalinist Era]. In *Demoskop Weekly*. № 103–104. Available at: URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (2016). Demograficheskie posledstviya Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Consequences of the Great Patriotic War]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 3, No. 2, pp. 3–42. Available at: URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1752?ysclid=m9i42ynl4m447125188> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (2016). Demograficheskiy sled voyny [Demographic Footprint of War]. In *Demoskop*. No. 689–690. Available at: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Yaczunskiy, V.K. (1957). *Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya evropeyskoy Rossii v 1724–1916 godakh* [Changes in the Placement of the Population of European Russia in 1724–1916]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 192–224.

Zemskov, V.N. (1991). GULAG (istoriko-sociologicheskiy aspekt) [Gulag (Historical and Sociological Aspect)]. In *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 10–27.

Zemskov, V.N. (2005). *Spetszposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka. 304 p.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). *Naselenie Rossii v 1939–1945 godakh* [The Population of Russia in 1939–1945]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 3–17.